

Иван Тимофеев

ВСЁ

18+

Иван Тимофеев

Всё

<https://litres.ru/74485642>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ян Ленков точно знает, что происходит с его жизнью: она разваливается. Работа давно стала привычкой, брак подходит к концу, а будущее обещает лишь продолжение прошлого.

Но однажды Ян возвращается из места, в котором никогда не был, с памятью о том, чего с ним не случилось.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Иван Тимофеев

Всё

Глава 1

Зуб.

1.

2006 г.

Несколько деревьев, маленьких приземистых берёзок, листва которых догорала ржавым огнём северной осени — вот, пожалуй, всё, что скрывало Яна от настигающих его быстрых силуэтов. Нельзя сказать, что преследователи были бесшумны, они не особо старались. Видимо, понимали, что добыча или оглушена, или самоубийственно глупа — и бегство бессмысленно. Силы у Яна действительно были на исходе... а ещё нырок в ледяную речку по пути... Правда, сейчас он вновь разогрелся от бега, и при кратких остановках пар от него валил столбом, отдавая с теплом калории осеннему воздуху. Трём загонщикам можно было совершенно не утруждаться ориентированием, его хриплое дыхание было отчётливо слышно даже сквозь шум усилившегося дождя. Сколько он бежал? Минут двадцать?.. Только теперь преследователям уже явно стала надоедать охотничья забава, и двое по-

спешили вперёд, в обход беглеца.

У Яна не было времени нормально подумать. Возможно, рассудив взвешенно, он бы давно остановился, сохраняя силы для боя. Но паника, охватившая его с самого начала, требовала только одного — спастись, убежать, спрятаться. Теперь он уже понимал, что гонят его несколько опытных человек и шансов победить при встрече просто нет. Ещё через минуту бега Ян начал искать место для последней остановки. Атаки со спины, вновь ввергающей в панику, ему хотелось избежать любой ценой — он решил встать в тупик, такой, где нападающие смогут действовать только по очереди и хотя бы все будут на виду. К относительной удаче, такое место нашлось в пределах нескольких перебежек. Разлом в границе тянулся примерно шагов тридцать, углубляясь в пригорок до маленького распадка, который вполне мог бы стать защитой от нападения сзади.

Всё. Тут даже есть мелкие камни — хоть какое-то оружие. Добежав до тупика и обернувшись, Ян в первый раз смог разглядеть одного из охотников в деталях. Старик. Одет в какую-то бурую шкуру. Смуглая кожа, мелкие черты лица, чёрные провалы раскосых глаз. Совершенно неандертальский "прикид". И наглое спокойствие. «Господи, да он даже не запыхался! Интересно, сразу убьёт?»

Не сводя глаз с добычи, старый охотник мелкой трусцой двинулся вперёд. Ян бросил первый камень, примериваясь. Даже забавно... и как-то обречённо. Камень пролетел в мет-

ре от нападавшего. Ян сквозь одышку криво усмехнулся. Охотник даже замедлился, словно подставляясь. «Играет. Потом точно разделает под орех... но пока ему интересно — я жив». Ещё один бросок, камень крупный. Летит быстро, брошен из последних сил. Неуловимым движением за мгновение до попадания человек отклонился, пропустив булыжник мимо. Ноль эмоций, но остановился... Улыбка. Половины зубов нет, скорее оскал. Ян дёрнулся как от удара тока — сзади, точно в макушку, прилетел мелкий камушек. Мельком оглянулся, отступая: в десяти метрах по краям разлома стоят ещё двое, смотрят куда-то чуть в сторону. Панический поворот головы обратно... За это мгновение старик приблизился почти вплотную, с той же "улыбкой". И с огромным ножом. Неожиданно для себя Ян стал видеть всё очень ясно. Всё то, что сейчас видеть было вовсе не нужно — хмурое небо, глубокую зелень мха на камнях, мокрые потёки ручья по стенам оврага, гнилую листву, почувствовал каждую капельку дождя, падающую на холодеющее лицо. Страх ушёл. Даже не осознав собственного намерения, Ян прыгнул вперёд. Человек опять чуть отклонился, оставляя руку с ножом на траектории движения жертвы. С невероятной для себя скоростью Ян успел отбить летящую навстречу угрозу, ударив чуть ближе к локтю. Ледяная вспышка боли в руке, пальцы на ней разжались навсегда. Ян пробежал ещё пару шагов, затравленно обернулся. Охотник задумчиво слизывает кровь с ножа. Теперь он совсем расслабился и идёт прямо

вперёд — просто резать. Вдруг остановился, опять улыбнулся. Вспышка...

Голова раскалывается, чувство падения, предельная слабость. Совсем далёкий шлёпающий звук и какое-то странное ощущение на онемевшем лице. «Вот это похмелье...» Ещё шлепок, теперь яснее. Ян с огромным усилием разлепил веки. Холод, жуткий холод, в глазах белая муть... какая-то тень, сильный удар. Наконец, удалось собраться и немного поймать резкость: над ним склонился странный дед в меховом капюшоне.

Вот теперь вернулась и память, картинка перед глазами окончательно обрела фокус. Старик медленно продемонстрировал перед его лицом уже знакомый здоровенный нож, глядя прямо в глаза. Ян, замирая, осознал, что этот взгляд не позволяет смотреть в сторону, дышать, вообще связно думать — он как бездна, куда можно только падать. Так же медленно человек подвёл нож к его горлу, сквозь пелену полубморочного восприятия Ян почувствовал холодную линию чуть выше кадыка. Резкий нажим, мокрый треск, адская, всепоглощающая боль. Ян с неожиданной силой задёргался в конвульсиях, но мучитель держал крепко. И не позволял отвести взгляд... Остатки воздуха с бульканьем вырвались из аккуратно разрезанного горла, толчки крови уже не били фонтанчиками по сторонам, и нестерпимая боль начала, наконец, отступать. В последний миг Ян понял, что теперь смотрит на себя из глаз убийцы.

2.

Охота прошла необычно и удачно. Впрочем, на тех тропах, где промышлял Зуб, странность была в порядке вещей. Вот и сейчас трое мужчин молча встали на каменистой вершине небольшого пригорка, взялись за руки и застыли в ожидании. Через некоторое время в отдалении занялся порыв неуместного в этот час шквального ветра. Усиливаясь, он с надсадным шумом обрывал почти догола низенькие деревца, нёс с собой клоки какого-то мусора, поднимал и выбрасывал всё это на многометровую высоту. Ещё мгновение — он достиг вершины и... развеял молчаливую тройку. Их одежды оказались оторванными клоками трухлявой коры, тела разлетелись комьями мокрой гнилой листвы, звякнул о камни бывший длинный кривой нож — кусок какой-то арматуры.

Основное ремесло всегда отнимало у Зуба много сил, особенно возвращение с добычей из другой глубины мира. Но и награда была велика — он был сильнее обычного человека почти во столько же раз, сколько поглотил душ с момента овладения своим даром. Последняя добыча далась подозрительно легко. С той же лёгкостью Зуб в былые времена резал совсем молодых женщин — та же глупая паника и беззащитность, полная покорность перед смертью. Зато после трапезы он почувствовал разницу. Новая душа была переполнена впечатлениями настолько, что сама собой начинала

разваливаться на куски внутри Зуба. Держать её в целостности приходилось самому, что отбирало уйму сил и внимания — но ему не нужны потом лохмотья вместо собранной силы. А что будет во сне, когда начнёт приходить чужая память? Конечно, за несколько ночей он вырвет её с корнем, но сегодня, возможно, стоит готовиться к серьёзной работе.

В юрте витали тяжёлые запахи, приносящие успокоение старому колдуну: пот, горелое мясо, олений мех, чад трав на углях в очаге... Недавно заходил Локоть, просил убить своего нового врага. Скрипнуть бы сейчас зубами, будь их побольше... Вождь-колдун такую наглость прощать не должен. Он, разумеется, убьёт врага племени, а затем и самого Локтя. Две души, устрашение соседей, чистка племени от слабаков — рассудительность, которая, возможно, даже была бы достойна благоволения отца. Сейчас же внутри зрело странное чувство. Зуб откинулся на лежанку, глубоко вздохнул и попытался вернуть стержень души в центр внутреннего мира. Однако горячечный, панический трепет лишь усиливался, словно из-под этого стержня постоянно вымывало почву, и он уже готов, содрогнувшись, вообще провалиться. Да, сейчас, сохраняя волю, усиленную десятками вобранных в неё жертв, Зуб без труда держал себя в руках. Но сон, сон!.. Там всё иначе.

Колдун нехотя поднялся, шагнул к выходу из юрты и ударил в лениво вращающуюся на сквозняке гнутую миску, служившую нехитрым колоколом. Затем вернулся в дальний

угол, лёг, замотался в шкуры. Через некоторое время сквозняк от входа потерял свежесть, её место занял запах мочи и гнили. Зуб раздражённо поморщился: завтра надо будет скормить рабов собакам. Обоих.

Из намечающихся сумерек, согнувшись пополам, ввалились два смердящих комка лохмотьев — дань Остроухих. Ныне Остроухих вырезали полностью. Последнего свободного ребёнка зарезал лично Зуб, чем, возможно, обеспечил себя тайной силой уничтоженного рода. А эти двое уже не люди.

— Сидеть. Бить в бубен. Другой бьёт этого. Постоянно.

Наконец, Зуб начал расслабляться. Под равномерные удары бубна и звонкие шлепки по лицу исполнителя, сочетающиеся в причудливый ритм, он стал осторожно засыпать.

3.

Лис уже забыл, когда в последний раз ел. Хотя он уже давно не считал это важным, да и считал ли важным что либо вообще... Его жизнь кончилась почти полгода назад, после той памятной облавы на их племя. Желание жить было до того момента его основой, и эту основу он потерял навсегда. Так глупо получилось... он не был слабаком, отнюдь, в своё время лучше многих прошёл утренний путь воина.

Был просто удар сзади, из ниоткуда... Что осталось теперь? Тупая покорность, наступившая сразу после первой и последней попытки побега. Если бы его тогда убили!.. Да смерть была бы избавлением! Но вместо этого — перекошен-

ное лицо местного колдуна, вкус крови и горелой палки, ломающей зубы, чтобы влить какую-то гадость, потом тьма и ощущение, что тебя пьют через соломинку... Теперь его воли едва хватало на то, чтобы просто справлять естественные нужды. Зато, если прикажет хозяин, он с воплем вырвет себе глаза, даже не раздумывая. Самое отвратительное, что ему оставили эту самую способность — думать. И ещё ненавидеть. День за днём Зуб с удовольствием пил эту ненависть...

Сейчас, отвешивая удары своему бывшему лучшему другу, он тоже не мог ничего изменить. Краб был при смерти. Только полная неспособность сопротивляться заставляла его двигаться, исполнять приказы. То, что он вообще ходит, — чудо, мрачное чудо. Его нога догнила до икры, жуткий смрад теперь был ему спутником. Но хозяина это не волновало, он лишь брезгливо морщился иногда. Вот только теперь и колдуну, похоже, приходится туго: Лис впервые сегодня видел его страх. Зубу отчего-то явно стало не до рабов. А колдун должен быть внимателен. Всегда.

Лис понял ещё вчера — скоро конец. Возможно, он испытывал бы облегчение, но ненависть... теперь она была его основой! До сих пор они с Крабом просто ждали развязки, однако в момент, когда всё стало окончательно ясно, что-то в Лисе переломилось, скомкалось и... вырвалось на свободу! Да, в этом мире его больше ничего не держит, и мерзкому заклятью уже почти не за что зацепиться. А ненависть осталась, чистая, ясная, холодная. Когда-то давно, много недель

назад, он пытался, невзирая на дурман запредельной усталости, предаться воспоминаниям о прошлой жизни. Там было о чём вспомнить. Безумная любовь, надежды, ошибки... Попытался — и с ужасом отшатнулся, зарёкшись делать это впредь. То, что осталось от него теперь, не имело права мараить даже взглядом жизнь прежнего Лиса. Он просто ходячий труп, ему с живыми не по пути.

И вот теперь...

Озарение! Да! «Хозяин приказал — я исполню, хорошенько исполню!!» Лицо Лиса сквозь слой грязи перекопилось в оскале. Зуб глухо постанывал во сне, иногда лепетал что-то совершенно бессвязное, его побелевшие пальцы судорожно впились в раскиданные шкуры.

Прошло несколько часов. Краб уже перестал мелко трястись, затянувшаяся агония подходила к концу... Последний удар, тихий шелест оседающего тела. Лис склонился над умирающим, отнюдь не от сострадания — приказ никто не отменял. Но заклятье над смертью не властно! Краб последний раз открыл удивительно прояснившиеся глаза, пристально посмотрел на Лиса. Через мгновение уже мёртвый взгляд скользнул в сторону. Коротко всхрипнул в углу колдун, из-под смрадных лохмотьев Краба начал нерешительно вытекать маленький жёлтый ручеёк.

Все те крохи сил души, что оставили Лису для жизни, сейчас собрались воедино. Теперь, если даже набить ему

рот едой, без приказа он и глотнуть не сможет, продолжает дышать — скорее по недоразумению. С предельным усилием Лис подтащил ближайшую шкуру, накрывая ею руку Краба, вцепившуюся в бубен мёртвой хваткой. За несколько мгновений Лис полностью взмок. «Да, хозяин! Бить в бубен! Удачной охоты!!» И тихие, глухие удары в шкуру, до беспмятства...

4.

Надо убираться отсюда. Они боялись его как смерти. Сейчас, когда почуяли, что с ним произошло что-то непоправимое, боятся ещё больше. А звериный страх неуправляем, могут просто наброситься все сразу, как ошалевшая стая. Подумаешь, большая беда! С прежней силой этих ничтожеств можно было бы разогнать одним лишь взглядом. "Было бы"... Он уже не в состоянии ничего с собой сделать. Теперь он — невольник, пока что — только во сне. Но и в явь уже начала проникать его Большая Смерть. Позавчера не смог убить раба, в один момент его всего как будто переклинило... однако, если бы он теперь не был ущербным, раб бы его изрядно развеселил своей находчивостью. Додумался же, огрызок!.. Разрезать бы его как-нибудь поинтереснее, в награду за хитрость.

А сейчас... Будь возможность хоть на мгновение вернуть свою душу в центр — тут же покончил бы с собой, какой смысл — стать вскоре полуживотным, как всё отребье вокруг, даже хуже? Тогда, в первый час, как только понял, что

произошло, он просто выл волком, до хрипа, катался по полу ужом. Его теперь будут переваривать как добычу! Да смерть по сравнению с этим — мечта. Презренный. Победившее его существо беспредельно глупо. Все силы всей жизни, все души! Этой ночью он их просто отпустил! С лёгкостью! Даже его душу попытался, идиот... правда, с проклятьем. Червь. Теперь он сам слаб, как больной ребёнок. Первая же встреча с противником — последняя.

Зуб, тяжело вдохнув, поднялся с земли. Накатило безразличие. Неожиданно для себя осмотрелся вокруг.

Где-то в редколесье застрекотала птица... стало вдруг так тревожно, горько и отратно — огромная чаша темнеющего неба, алые, смазанные к закату облака, диск солнца сквозь чёрные ветви деревьев...

Он шёл по вытоптанной траве между убогими юртами и начинал тихо пропадать. А воздух такой свежий! Пара мальцов-дармоедов Локтя из крайней юрты шарахнулась от него в сторону... три дня назад он решил убить их отца, да куда уж теперь. Колдун зябко передёрнул плечами. Тропинка не спеша вывела его на маленькую поляну перед опушкой, покрытую сизым пружинящим ягелем.

Мысли вдруг заплелись, помутились... Вместе с ушедшими душами спала какая-то завеса с глаз: есть небо, птицы, лес, земля, всё вокруг. Да, он имел над ними власть. Бешеной силой ворваться в тело, в голову жертвы, подчинить во-

ле, заставить служить, владеть! Он был ближе к дикости мира. Но не видел мир...

И стало очень-очень больно там, в самой глубине. Мягко так, неотвратно... Зуб внезапно понял, что один. Вообще один.

5.

Добрался до Скалы Призыва утром, неожиданно устав под конец. Хотя что удивляться, теперь его силы равны силам двух человек, всего-то. По пути к месту начала прорываться память добычи — ещё один ужас наяву. Понять этот бред было решительно невозможно. Занятно и бесполезно. Зуб знал, что существует последние часы, однако это его уже особо не трогало — соответствующие части личности, видимо, уже "усвоились" бывшей добычей. Однако он просто не умел сдаваться. На рассвете попытался незаметно стереть из памяти часть с колдовскими тайнами рода, чтобы хоть как-то отомстить за самую жуткую из смертей для колдуна, но не успел: изменённое сознание сочло это глупостью и мелочностью, принесся мысль, что особых-то мучений и не было. Теперь — да, всё легко. Видимо, так смерть и приходит. Если бы вернуть даже на одно мгновение того, прежнего себя — адское, запредельное и отчаянное безумие было бы гарантировано.

Зуб пробирался к пещере как обычно, стараясь не натоптать тропу. Роса слетала с задеваемых веток в лицо ледяным душем, доставляя лёгкий дискомфорт. Да, видимо, жертва

была совсем неженкой. Ну, судя по последней охоте, любая здоровая баба из нормального рода дала бы больший отпор, чем это убожество, так что неудивительно... Но убожество победило, пусть отчасти и из-за его ошибки... Кстати, теперь уже с обрывками памяти пришло имя — Ян.

В глубокой тени, за плотными кустами голубики, показались поросшие тёмным мхом валуны. Со стороны заметить зазор между двумя крупными камнями, идущий поперёк расселины, было почти невозможно. Особо таиться раньше смысла не было. Но он был аккуратен, как и все, кто хочет подольше прожить. Ну, как выяснилось, почти. По привычке Зуб поднимал мох с намеченных камней перед каждым шагом, а затем просто давал ему упасть на место.

Ледяная сырость грота, плесень. Через десяток шагов, боком и пригнувшись буквой "Г" («интересно, что такое буква?...»), Зуб, наконец, оказался в нужном месте, сменил зрение на ночное. Теперь это его могила. И первый дом для Яна. Хотя, скорее всего, это создание тут и пару дней не протянет. На полу маленькой пещеры высотой в две трети и шириной в один человеческий рост был навален щебень, поверх — брёвна, на них — выдубленные годами шкуры, уже почти без намёка на мех. Легчайший сквозняк протягивал воздух вниз и вправо, в щель у "пола". Огонь не предполагался, по крайней мере, раньше.

Вот и всё. Чуть расслабившись, Зуб начал проваливаться в беспамятство, в последний сон. Его железная воля те-

перь бесполезна, смысла противиться сбившемуся просто нет. Потухающее сознание вдруг "взбрыкнуло" бесконечно давно забытым детским азартом, как тогда, сотни лет назад, когда он впервые смог повторить за отцом нехитрую манипуляцию с этими красными вкраплениями в камень, как их там... Это было радостно, в тот день отец его даже не бил... Зуб тяжело рухнул на шкуры, на пару секунд придя в ясное сознание в последний раз. Приложив оказавшееся непомерным волевое усилие, он заставил тихо тлеть алым светом россыпь минералов в своде пещеры, обеспечив себе тёплый последний сон. Неожиданно для себя мягко улыбнулся, глубоко вздохнул и...

6.

Ян пришёл в себя от того, что его кто-то не особо аккуратно тормозил, натужно сопя. С трудом разлепив глаза, Ян различил перед собой в тусклом багряном свете какого-то подростка.

Тут же навалились остальные ощущения — ломота во всём теле, зуд многочисленных укусов насекомых, раскалывающаяся голова, острая зубная боль, общая крайняя слабость на грани обморока. Полный набор. Сильнее всего Яну захотелось обратно впасть в спасительное забытьё, просто не присутствовать в этом кошмаре. Закрыв глаза, стало чуть легче.

— Ну что, дедуля, очухался? — Веселый и звонкий мальчишеский голос резанул по ушам.

— Б-уу... агрх... я что-то не соображаю пока, пацан.

Услышав собственный скрипучий старческий голос, Ян внезапно закашлялся, резко доведя этим головную боль до предела, за которым, возможно, уже будет долгожданная отключка.

— Не-е, так не пойдёт. — Паренёк добавил в голос напускной строгости. — Подъём!

Внезапно, как будто где-то плавно повернули ручку регулятора, весь тошнотворный болевой фон сошёл до вполне приемлемого уровня.

— Это ты сделал?? — через секунду, уже окрепшим голосом, спросил Ян.

— Деда, ты тут мухоморы-то где сушишь, а? Шучу. Я, конечно. Кому ещё ты нужен в этой дыре. Даже людоедикам местным на один зуб.

Подросток, поманив за собой Яна, проворно полез наружу через вход-щель в пещеру.

Пещера...

И тут на Яна накатило. Всё сразу. В мрачном бордовом свете Ян с утробным завыванием поднёс к глазам чужие трясущиеся старческие руки. Паника?.. Нет, запредельное отчаяние, переходящее в тупую апатию, заполненную фоном первобытного ужаса. Одинокая мысль — «...как же я умудрился выдержать всё произошедшее там, внутри этого чудовища?!» Бездонная мука.

Наконец, свет в глазах сжалился и начал меркнуть.

— ***, — донеслось от входа. — Как до жирафа.

Свет вернулся. Ян тихо простонал, перекатился на бок. Отлегло, тоже, вроде бы как снял кто...

— Конь в пальто. Идём, воняет тут изрядно...

Ян медленно и аккуратно принял вертикальное положение, едва не зацепив каменный карниз над головой. "Интерьер" пещеры тут же расцвели весёлые звёздочки перед глазами.

На подгибающихся ногах, судорожно цепляясь за стены слабыми тощими руками, Ян начал выбираться наружу. В груди отчаянно трепыхалось немогущее сердце. С трудом согнулся, чтобы проползти по щели входа, внезапно обильно взмок холодным потом. «Да я, похоже, не жилец вообще», — как-то отстранённо подумал Ян и застрял посередине лаза. Через пару мгновений внезапно накатила жуткая головная боль, вновь осветив всё перед глазами сотнями искр. Но сознание даже не думало меркнуть.

— Ну кнут, так кнут. — Вредный голосок совсем рядом вдруг заставил Яна тихо взвыть от закипающей ненависти к мучителю.

Это придало сил, остаток пути к выходу был преодолен за несколько секунд. Ян со стоном сполз по боку заросшего валуна у входа, жадно глотая пересохшим ртом сырой воздух. Боль опять "выключили".

— Скотина.

— Скотина — это как раз ты, — размеренно ответство-

вал пацан с соседнего камня. — Тебя пока только по первой сигнальной и можно гнать.

— А смысл волочить это подышающее тело? — вялым шёпотом поинтересовался Ян. — Ему ж осталось-то всего-ничего.

— У тебя есть другое? Наглец. Ты недавно был вообще чистой абстракцией... вот так всегда, к хорошему мгновенно привыкают... по идее, сейчас должен быть благодарен за каждую секунду продлённого существования. Тем более в таких "курортных" условиях.

Ян попытался возмутиться, но вовремя передумал, сэкономив силы на медленный спуск с камня в лежащее положение.

Прошла минута, почти мгновенно.

— Не спи, замёрзнешь.

— Шутник, — донеслось снизу.

— Опять "взбодрить"?

— Валяй... а, чтоб тебя. — Ян, кряхтя и кашляя, на четвереньках пополз между валунами от входа.

— Есть надежда, — авторитетно сказал пацан и поскакал вперёд по камням, фальшиво напевая что-то типа «Show must go on».

Тут Яна "осенило":

— Слышь, попрыгунчик, а помочь не судьба?! — Он опять начал закипать.

— Ещё и хам. Ладно, так и быть, не доползёшь ведь. Ещё

два километра впереди.

— ???

— До шалаша твоего летнего. Забыл, дедуля? Как там его это... а, склероз! — Смех пацанёнка был на редкость звонким.

Пацан легко соскочил с крайнего валуна в распадке, вприпрыжку подбежал к Яну и начал равномерно и весьма болезненно пинать его ногой в зад.

— Твою мать!! Охренел?!

— Ян, ты пока слишком слаб для того, чтобы выполнить предназначенную тебе функцию. Ты — чмо. Я тебя слегка "прокачиваю", не напрягайся лишнего, пока твоя задача проста — ползи вперёд, и желательнее быстрее. Скоро тебя начнут убивать. То, как это будут делать твои... ммм... соплеменники, тебя совсем не вдохновит.

Внутри разума Яна что-то легонько хрустнуло, и он, сумев временно отсечь большую часть эмоций, довольно бойко стал перебирать конечностями, иногда даже делая вполне успешные попытки подняться.

— Во, даёшь КПД! — оптимистично донеслось сзади. — Как говорится, "встань и иди"!

И Ян встал. Его мотало как в сильный шторм на утлом челне, но общий вектор от мучителя, погонявшего его лёгкими тычками острых детских кулачков, держал вполне сносно.

Через пару десятков метров, чудом не споткнувшись об

многочисленные поросшие невысокой травой кочки, он доплёлся к одиноко стоящему камню, чуть ниже его роста. Внезапно Яна буквально прострелило острейшее чувство опасности, ничем вокруг не мотивированное. От силы и резкости впечатления Ян, не раздумывая, рухнул за камень.

— А знаешь, почему ты сейчас тут со мхом обнимаешься? — отчего-то шёпотом спросил вездесущий мальчик, бесшумно присев рядом с ним на корточки.

Старик осторожно поднял голову и вопросительно глянул исподлобья.

— А потому, что в соседних вариантах, примерно через час, ты уже жрёшь свои кишки, — прозвучало с участием, но явно не особо искренним. — Недолго, у тебя они пустые.

Ян, замирая, проследил за тонкой ручонкой в... синей осенней ветровке! Она кривым детским пальчиком указала на отдалённый вход в пещеру, рядом с которым, не потревожив и листочка, появилась мохнатая тень нового преследователя.

А в голову разом полезли совершенно неуместные мысли. Вместо того, чтобы следить за угрозой, Ян вперился в наряд спутника. Синяя ветровка просто кричала миру "made in China", тёмные джинсы, пузатые кроссовки...

— Соли дать?

— А? Чего?? — полностью дезориентированный, сиплым шёпотом спросил Ян.

— Ну, чтоб вкуснее кишки были.

Ян судорожно вжался в землю, казалось, даже сердце смог остановить.

— Гы, — почти вполголоса донеслось сверху. — Шютка юмора. Потрошитель решил пещерку проверить, перед тем как по твоим синусоидальным следам податься сюда.

Уже какое-то привычное отчаяние...

«Действовать» — пустая, но предельно императивная мысль победила всё. Ян сорвался с места... в уме. В реальности он костлявой, почти бессильной, но неожиданно хваткой рукой вцепился в пацана и, как мог, рванул на себя.

— Останови его!!! — Писклявый старческий голос обрёл внезапную силу. — Ты можешь!!

Паренёк, смешно мотнув головой от рывка, мгновенно обмяк и безличным голосом ответил: "Пункт первый: принято".

— Насрать, что там принято, вперёд!

Мальчик мягко и аккуратно отцепил чужие пальцы от своей куртки, поднялся и спокойной прогулочной походкой пошёл к Скале Призыва.

— «Врагу не сдаё-о-тся наш гордый Варяг, поща-ады никто-о...» — От тонкого детского голоска Яна передёрнуло.

Прошла пара секунд. Отстранённо решив, что является законченным кретином, Ян на четвереньках пополз за "героем".

Тем временем из укрытия наружу показался преследователь и замер у входа, едва завидев направляющегося к нему

пацана — тот шёл навстречу, мгновенно начав на более ровной местности комично печатать шаг, высоко задирая ноги в такт песне.

Отметив про себя, что дружить с чужой головой его уж точно никто не обязывал, тем более на краю второй гибели, Ян почувствовал какую-то странную внутреннюю свободу. И неожиданно для себя заливисто заржал.

Комбинация поющего и марширующего навстречу чудно одетого паренька и ржущего экс-шамана вызвала в охотнике быструю и совершенно чёткую реакцию — меньше чем за секунду он растворился в сумерках, беззвучно шатнув по пути пару веток на окружающих берёзках.

Пацан мгновенно смолк, как отрезало.

Рядом, в наступившей тишине, неуверенно чирикнула какая-то птичка. Яна вдруг начала окружать пищащая масса комаров, словно раньше они его не замечали. Сил отмахиваться, разумеется, не было. Ян, тихо простонав, завалился набок, всё ещё мучимый спазмами смеха.

7.

— Ян, ты уж прости, дорогой, но я должен тебя разбудить. — Довольно серьёзный и разом потерявший издевательские нотки голос паренька вновь потребовал возврата к реальности.

Привычные мучения получили ряд новых оттенков.

— Может, лучше я всё же схохну, а, "дорогой"? — Остатки воли к Яну просто отказывались возвращаться.

— Это ты совершенно верно угадал.

Смотреть оказалось совсем трудно: всё лицо, раньше представлявшее собой обтянутый кожей череп, умудрилось безбожно распухнуть от укусов комаров вперемешку с гнусом. Но боли почти не было — всё просто онемело, чему Ян вяло порадовался.

— Ты, конечно, мешок с костями, но и у меня силы тают. Будь добр, переползи чуть правее и положи голову вот на этот валун. Кое-что поменялось по твоей милости.

— Решил-таки грохнуть?

— Ага. Надо.

Ян обрадовался.

Но не весь. Внутри вдруг снова ожило то запредельно ясное чувство, что умирать — это очень неправильно. Совсем. Просто недопустимо. Потому что навсегда. То есть — взять и исчезнуть. Такого просто не может б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.